

ТОРЖОКСКИЙ БУРЖУА

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ВЕСТНИК

№ 75 ИЮЛЬ 2023 ГОДА

• Памятники Тверской провинции

Хозяйка писчебумажной фабрики

В Кувшинове на Центральной площади города установлена бронзовая скульптура Юлии Михайловне Кувшиновой, в честь которой назван город. Главным спонсором создания памятника, над которым работал архитектор Сергей Казанцев, стала местная бумажная фабрика, которую в конце 19-го, начале 20-го века возглавляла Юлия Кувшинова. В период ее 24-летнего правления была проведена модернизация оборудования, приглашены лучшие специалисты России; устроена фабричная система подготовки рабочих. Продукция стала конкурентоспособной и пользовалась спросом не только в России, но и за границей. Предметом особой заботы стала школа (открыта в 1878 г.) с бесплатным шестилетним образованием. Были построены добротные квартиры для служащих, открылись ясли, швейная мастерская, баня и прачечная, сформированы фонды фабричной библиотеки. Для облегчения жизни рабочих Ю. М. Кувшинова ввела систему социальных льгот. Её стараниями построена ветка железнодорожного подъездного пути от Торжка до сельца Каменное, здание железнодорожного вокзала.

«ОСТАНЕТСЯ ЗДЕСЬ ПАМЯТЬ СТОРОЖИТЬ»

Ольга Венкова

Родилась в деревне Екатеринино, что на Даньковщине (Андреапольский район) в многодетной семье. Мать – учительница сельской школы, отец – работал в совхозе, замечательно играл на гармошке. По образованию библиотекарь, работает в андреапольской библиотеке. Мать троих детей. Стихи пишет со школьных лет. Публиковалась в районной газете. Недавнее участие в престижном областном конкурсе имени поэта Владимира Соколова принесло ей призовое 3-ье место.

ДОМ ГОЛУБОЙ

Дом голубой, где заколочено
окошко...
Еще течет сюда по старым
проводам
Сквозь огрубевшие от времени
ладошки
Любовь детей, отпущенных им
вдаль.
Осиротевшие вдали от дома
голубого
Летим сюда за воздуха глотком,
За звонким смехом детства
озорного,
За солнцем, небом, простеньким
цветком.

Стучим тихонечко в закрытое
окошко,
Дом голубой всегда откроет
дверь,
А через день... вновь
перекрестит на дорожку,
Нас провожая в Андреаполь,
Питер, Тверь...
А сам, пустой, но нашей жизнью
полный,
Останется здесь память
сторожить,
Красноречивый, но совсем
безмолвный,
Он нам не даст самих себя
забыть.

ЖИВЕТ МОЁ ДЕТСТВО

В той стране, где живет моё
детство,
До сих пор зеленее трава,
И теплее весеннее солнце,
И в «деньгах» все стоят дерева.
И кричит от калитки прабабка,
Окликая чумазых внучат.
Только что здесь сверкали их
пятки.
Затаились ребятки, молчат.
А у нас не домерена лужа,
Улетела куда-то стрела,
Потерялась сестрёнка-копуша,
В волосах лягушачья икра...
Не поглажен как следует Босый,
Не пощупан у Дюшки пятак,
Не проверено, биты ли косы...
Не успеть за делами никак.

(окончание на стр. 2).

(начало на стр.1).

Нам встречать еще Ветку из
поля,
И баранов загнать, сосчитать.
А у бабушки новое горе,
Да такое, что стало «нянтя».

Нас послала с утра в огороды
Поливать и барканы полоть –
Разбери, где трава, а где
всходы...
Проще было б дрова расколоть.

Ну, а завтра с утра нам на жатву.
Ломоть хлеба и термос с водой.
Все исколоты босые пятки,
Поле, солнце и папка. Живой.

В той деревне навечно живые
Папа, бабушки, братик родной,
И Володя, и все остальные.
Жив Серёга, и Витька живой.

Там живет моё давнее детство,
Там я с мамой за ручку хожу,
Счастье рядом, любовь по
соседству,
Веру с правдой с собою ношу.

Мне деревня тогда улыбалась,
То прищурится, то подмигнёт...
Я уехала. Детство осталось.
И теперь без меня там живёт.

ДУБ

Под этим дубом мы росли:
Дружили, ссорились, играли,
Беседы детские вели –
Суть жизни познавали.

Отцовский плеч его размах
Легко держал наши качели,
Он прятал нас в своих ветвях,
Толкал к вершине, к цели.

С корой шершавою экстракт,
Вливал нам родины сознание.
И билось с детским сердцем в
такт
Живое сердце великанье.

НЕКОГДА ДУМАТЬ

Ты не найдешь на карте пути,
Что суждено нам проехать,
пройти.
Не нарисованы эти дороги,
Горы и пики, реки, пороги.

Бури-события, люди, как камни,
Ночи в угаре, горе и травмы.
Травмы коленные, травмы
душевные,
Горе и счастье... попеременно.

Строим мосты и пляшем по
кочкам.
Плачем от счастья, от горя
хохочем...
Некогда думать. Незачем?

Нечем?
Время уходит. Будем жить вечно?

ПО ВЕНАМ

По памяти до милого порога,
На аромат не пахнувших хлебов
Ведет тропой заросшая дорога
Среди полей дремучих и лугов.

Вороны тень на
крыше-недотроге,
На бывших грядках распустился
брёд.
Забор в штыки теперь встречает
ноги,
К земле надворную крапиву гнёт.

Забывший дом тоска сложила
вдвое,
Громоотвод поранило грозой.
В сенях сквозняк заблудший
зябко воет,
С окошка ставенка висит слезой.

Ухват склонился низко в пол
рогами,
В углу скамья пытается прилечь,
Забита паутина пауками,
И чёрными слезами плачет
печь...

Сквозь лопухи, сквозь годы и
метели
Осколки флоксов алых прямо в
грудь!
И сердце на завалинку присело
Родную кровь по венам
протолкнуть.

ГОД ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.**НАЧАЛО ВЕКА**

100-летию

Андреапольской библиотеки

Год девятнадцатый. Начало века.
Поселок станционный. Ветер.

Снег.

В тот год рождается библиотека,
Чтобы дарить народу мудрый свет.

Невзрачный домик, маленькие
окна,
Широкий деревянный стол,
Две длинные скамьи, на стенах –
полки,
Сундук старинный и дощатый пол.

При тусклом свете
лампы-керосинки,
А, может быть, и восковой свечи,
Дуняши, Павлы, Вани и Аринки
Чтецу внимают. Чувства горячи.

Часы стучат. Над книгою мелькают
лица.

Один похож на Павла, а вот –
Дуняшин взгляд,
Наташи, Саши... Не остановиться!
Имен читательских не перечислить
ряд!

И крутится истории пластинка...
Из книги льется добрый мудрый
свет...

На выставке – журналы,
лампа-керосинка
И те же: Пушкин, Маяковский,
Фет.

Опять зима. И вновь – начало века.
Красивый город, хоть и
небольшой.
На площади стоит библиотека...
Год девятнадцатый. Но только век
другой.

И будет вновь год девятнадцатый
начала века,
Покроет землю белый первый снег,
И будет так же отмечать
библиотека
Свой юбилей. Но только через
двести лет.

(продолжение, начало в №№19 (ноябрь) - 73 (июнь).

Письмо семидесятое

ВОТ и Рождество! Спасибо, Господи, дожили! Как велика Твоя наука жизни, как прекрасен Твой дар и как мало уясняют его люди.

Сейчас ночь. Редкие звезды сквозь летящие облака. Шелестят, опадая, листья... Возвращаюсь в дом, тихо горит лампадка, как никогда, чувствуется глубина ночи. Как после спектакля, помнишь? Погашен свет, зрители ушли, сумрак пустой сцены и тишина там, где только что был «праздник».

Встаю на молитву. Господи! На все Твоя воля! Но, «не ведаем, что творим». Что толку для атеиста, что наука находит все больше и больше подтверждения Абсолютного Замысла? Значит, его жизнь прошла зря, впустую? Или богач, что собирал себе всю жизнь не то, что надо и посмотрел в глаза смерти не в свой срок?... Или женщина, по своей воле не ставшая матерью... Сколько нас, таких несчастных, погнавшихся за миражами. Но приходит час и наступает прозрение. Каждому в свое время.

Неужели главный смысл жизни всегда будет проходить в погоне за иллюзией? Сколько сил и времени человек теряет в погоне за лаки-

Письма сельского почтальона

рованной «железкой на резиновом ходу» или удовлетворением своих самых примитивных желаний, даже не задумываясь об этом? Даже не допуская мысли, что что-то не так. «Как все, как все... Чем мы хуже других?». А дни летят, летят... «Вот и лето прошло, как не бывало...» Суета. Вся мудрость мира говорит об одном и том же на всех языках.

Что же нас постоянно кидает из угла в угол? То устилаем Его путь своей одеждой и кричим «Осанна», то «распни Его!». Разве это не пример на все века. Только полное незнание или непонимание источников человеческой культуры превращает людей в серую массу со СМИ в зубах. И каждый уверен, что уж он-то все знает, все понимает, все умеет. Особенно руководители.

Сложнейшая наука руководства людьми, ответственность за их судьбы чаще всего выпадает на долю людей, ничего в этом не смыслящих. Как говорится в народе, «ни ухом, ни рылом». Но они всюду выступают, «божатся», обещают, преследуя, как правило, свои шкурные интересы. Прости их, Господи!

«Возлюби ближнего, как самого себя» – наука всех наук. В ней все самое высшее образование и все самые высокие технологии. Все земные отношения заложены в одной этой заповеди. Она одна двигатель всех личных и социальных проблем. Но... «своя рубашка ближе к телу».

Тихо бредут часы в тишине ночного дома. До рассвета еще далеко, но день с его неминуемыми заботами уже выглядывает из-за плеча ночи.

Надо написать несколько писем, сделать свет над верстаком (днем все «не доходят руки») и выполнить еще ряд дел, чтобы через несколько часов «запустить дом и все хозяйство в их дневное плавание». А пока мысли о детях и внуках не дают покоя. Ладно, отвлекусь.

Ты знаешь, меня как-то убивает осознание того, что за многовековую историю человечества неоднократно повторяются одни и те же явления, а человек никак не меняется. Не вырастает больше рук и ног, не убывает количество внутренних органов... Меняются только костюмы и прически, да убывают запасы в кладовой природы. А остальное будто в классической пьесе. В одном акте герой появляется, в другом исчезает. Так и мы – люди имеем очень смутное представление о смысле происходящего. Отыграем свою роль и сходим со сцены жизни. Но при этом, подобно актерам, часто недовольны своей униженно маленькой ролью или ничтожно низкой зарплатой. И все... А кто виноват? Ответа не ищем.

Разве все те, кто называется учителями, ими являются? Надо ведь не цитировать Ушинского, а изучить его. Ты думаешь, что все преподаватели литературы читали «Евгения Онегина» от и до? Или Анну Каренину? Чтобы осмыслить «Войну и мир», нужно огромное время, опыт, знание истории, умение мыслить. А кто может определенно сказать, что он прочел и понял во всей полноте объема «Божественную комедию» или «Фауста»? Что, думаешь, учителя истории полностью освоили Карамзина, Соловьева, Ключевского, Гумилева, Шпенглера, Данилевского... А? А если честно?

Как можно набивать голову ученика формулами, не трогая при этом этику и духовное состояние, не расширяя его горизонты? Кто спросил себя: «А имею ли я право быть учителем?!» А можно ли увлекать малыша в бездны своего предмета, не погружая его в «науку жизни»? Что важнее: знание

(окончание на стр. 4).

стр. 3

(начало на стр. 3).

формул или понимание Евангелия? А как поступать ученику, если они вдруг войдут в противоречие? И что правильнее – пойти в школу или остаться с больной матерью? Почему никто почти не ставит перед собой и учениками этих вопросов? Меж тем, старец Силуан или Паисий Святогорец были простыми крестьянами, а их мысли сегодня изучают и цитируют академики. Где получали свое образование Серафим Саровский или Симеон Верхотурский? Сколько выдающихся людей отложили в сторону свои дипломы и ушли к Богу и к людям.

Эти выдающиеся личности видели общую беду человечества. С Божьей помощью они освоили путь к счастью и помогают нам усвоить эти заповеди Господни. Настоящий учитель тоже должен помочь ученику сделать это, а не увлекать его в мир бессмысленных иллюзий, где он непременно потеряет свой истинный путь. Знают ли это те, кто занят очередными реформами образования, подгоняя детей под «законы живота»?

Господь создал организм для физических нагрузок в труде, а не на тренажерах. Последнее это всего лишь запах розы через противогаз.

Где ни ткни, куда ни глянь – везде ложь. Так чему мы учим наших детей? Разве не это позор для страны – дома для беспризорных детей и престарелых? Это чудовищно.

Я помню, сидели мы как-то с тремя грузинами, ужинали. Зашел на огонек пожилой (теперь уже покойный) сосед.

Все трое сразу встали и не

сели, пока старший по возрасту не занял лучшее место, не получил стакан чая. Это у них «закон гор», и перед такими законами я преклоняюсь. Они не гусары, а просто крестьяне, с детства получившие хорошее жизненное образование. Уважение к старшему, уважение к хлебу, уважение к труду, уважение к чувству национальной чести.

Приведу слова немецкого философа и историка О. Шпенглера «Фундаментальное понятие всяких живых нравов – честь. Все остальные – верность, покорность, храбрость, рыцарственность, владение собой, решимость – собрано в ней. И честь – вопрос крови, а не рассудка. Здесь не раздумывают: кто раздумывает, уже бесчестен. Потерять честь – значит, быть уничтоженным для жизни, истории. Честь сословия, семьи, мужчины и женщины, народа и отчизны, честь крестьянина, солдата, даже бандита: честь означает, что жизнь в данной личности чего-то стоит, что он обладает историческим рангом, выделенностью, знатностью». («Закат Европы» Т. 2, стр. 358).

Мы сами себе придумали этот мир с его выборами, ракетами, компьютерами, телевизорами. Придумали и задохнулись в нем. Как толпа, вырвавшаяся в огромный супермаркет после возгласа «Все бесплатно»...

Хожу по полю, смотрю под ноги, а там и трава, и цветы, и мох – и все борется за жизненное пространство, за землю. В голове целый рой вопросов. А почему все листья разные? Думает ли птица? Откуда у соловья его мелодии? А

что такое музыка? Как рождается мелодия?.. И так до бесконечности. Пушкин вот писал при свечах, а мы при лампах в 100-150 свечей. Но ведь разное освещение рождает разное настроение.

В погоне за миражами мы теряем реальный Божий мир. Теряем здоровье – дар Божий, долготу дней своих, покой, детей, семью. Но мы не замечаем этого за мельканьем экрана, витрин, рекламы, лавиной лжи и сплетен. Верим слепым вождям, ведущим нас неведомо куда, забыв, что Царство Божие внутри нас.

Если у меня нет валюты, то мне и дела нет до ее курса. Если нет телевизора, то я и не знаю, слава Богу, кто куда едет, плывет, летит, не трачу время на это безбрежное море пустой болтовни.

Посчитайте ради любопытства время, истраченное на телевизор, транспорт, магазины, пустые телефонные разговоры. Сложив все это, можно увидеть ужасающую картину и вновь задаться вопросом: «Ради чего живем?» Кто-то может сказать, что это и есть жизнь. Конечно, каждый сам волен решать, на что ему тратить свое время. Но нельзя забывать, что Господь может призвать в любую минуту, и нам придется отвечать, на что потрачен Его дар.

Ладно, почитаю лучше Евангелие, там-то и есть ответы на все вопросы. Ночь заканчивается, бьют часы, кричит петух, день заглядывает в окно. Слава Тебе, Господи, Слава Тебе! С Рождеством Христовым!

Д.В. Арсеньев,
Пеновский район.

Художники - поэту

В библиотеке им. Николая Гумилева, расположенной в Литвинках (на окраине Твери), открылась выставка картин «Художники – Гумилеву». Выставка представляет собой собрание 56 живописных полотен. Работы разноплановы: есть великолепные портреты Гумилёва, виды Бежецка и Градниц, иллюстрации к стихам. Кроме картин художников «Мастерской 18» представлены работы тверских художников, участников

бежецких пленэров, детей-студийцев студии им. П.П. Чистякова. Инициатором вернисажа стал Юрий Щегольков, руководящий Фондом поддержки малых исторических городов.

• Реплика

Что-то с памятью у нас стало...

То и дело слышишь с высоких трибун пламенные слова чиновников о необходимости защищать русский язык. Оснований для беспокойства предостаточно. Количество говорящих на русском языке сократилось в мире, по разным оценкам, с 330-350 миллионов до 220-230 миллионов. Но говорить — не означает делать. Продолжает сокращаться количество русских — главных носителей православия русского языка. При глобалистской потребительской «демократии», когда в ходу у чиновников тренды, бренды, дивиденды, нарративы, а с экранов телевизоров каждодневно и дебильно вопят про кэш, в России резко убавилось число образованных людей, знающих, кто такой Сергей Иванович Ожегов (1900-1964).

Между тем это выдающийся лингвист, лексикограф, доктор филологических наук, автор выдававшего множество изданий «Словаря русского языка», один из составителей «Толкового слова-

ря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова. Еще меньше людей знают, что Сергей Иванович родился на тверской земле, в поселке Каменное (ныне город Кувшиново) в семье инженера-технолога Каменской бумажно-картонной фабрики Ивана Ивановича Ожегова и Александры Федоровны Ожеговой (Дегожской). Сергей Иванович был старшим из трех братьев.

В этом доме семья Ожеговых прожила 14 лет, после чего уехала в Санкт-Петербург. На доме были установлены мемориальные доски: одна — в честь С.И. Ожегова, вторая в честь А.М. Горького (он жил в этом доме у своего друга Н.З. Васильева с октября 1897 года до середины января 1898 года. Казалось бы, кувшиновская власть должна с уважением и вниманием относиться к этому дому, как к ценному историческому наследию. Увы, этого не случилось. Дом пребывает в удручающем состоянии, недавно обвалилась его часть стен. Ветераны бьют тревогу, но

безуспешно. Чиновники должным образом не реагируют. Пока не привело к результату и обращение местного отделения КПРФ к руководителю фракции КПРФ в Государственной Думе Г.А. Зюганову.

Известно, что сын С.И. Ожегова Сергей Сергеевич, родившийся в 1925 году, был доктором архитектуры, профессором Московского архитектурно-художественного института, почетным членом РААСН. В 1993 году он стал автором первого в России учебника по истории ландшафтной архитектуры. В 2011 году этот учебник, в дополненном виде, был переиздан в соавторстве с Еленой Ожеговой, дочерью профессора. Его внук (правнук С.И. Ожегова) Михаил Павлович Спирин, также архитектор, работает в Московском правительстве, где возглавляет управление реновации в комитете по архитектуре и градостроительству. Может, он проявит интерес к судьбе здания, в котором родился его выдающийся прадед?

Валерий Кириллов,

писатель, заслуженный работник культуры России.

На снимках: С.И. Ожегов; запущенный дом, в котором родился С.И. Ожегов, в Кувшинове

Праздник в Борках

Не всем удаётся оставить после себя традицию, которая длится годами. Писателю, участнику Великой Отечественной войны, Ивану Афанасьевичу Васильеву удалось. В 39-й раз прошёл в деревне Борки Великолукского района Псковской области Всероссийский праздник фронтовой поэзии, когда-то им задуманный и осуществлённый.

В нынешнем году участвовали в празднике поэт из Москвы Виктор Кирюшин, белорусская поэтесса Дарья Шевяко, тверские поэты Иван Демидов, Сергей Воробьев,

Вика Панина, Татьяна Тюнина, псковичи Вера Сергеева, Надежда Камянчук, великолучане – Юрий Ишков, Андрей Канавщиков, Татьяна Лапко, Владимир Павлов. Юные невеличане Родослав Дудин и Егор Маруев наравне с опытными поэтами трогательно прочитали стихи о Победе.

Песни военной тематики прозвучали в исполнении Андрея Кривцова (Беларусь), Антона Иванова (г. Великие Луки), Марины Ивановой (г. Невель), народного коллектива ансамбля «Радуга» и Александры Мамедовой.

Виктор Кирюшин представил на празднике книги серии «Библиотека Донбасса», осуществляемого столичным издательством «ВЕЧЕ» в рамках гранта Президентского фонда культурных инициатив, серии исторических исследований «Битва за Новороссию», поэтической серии «Воины России». Комплекты этих книг были подарены библиотеке литературно-художественного музея имени писателя И.А.Васильева и Великолукской городской библиотеке.

Ведущим праздника был заместитель председателя Псковского отделения Союза писателей России, поэт Андрей Бениаминов. На территории музея в этот день работали интерактивные площадки: «Музей в чемодане» от Невельского музея истории, выставка военной формы одежды из частной коллекции Вячеслава Сизова, фотовыставка «А музы не молчат» об истории праздника фронтовой поэзии.

ПРИНЯТЫ В СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

На официальной странице Союза писателей России размещены данные о заседании Приёмной комиссии СП от 29 мая 2023 г. Там сообщается, что в Союз писателей России приняты и двое авторов из Тверской области: Петрова Маргарита Алексеевна, поэт, Тверь; Старков-Борковский Александр Сергеевич, поэт, прозаик, Тверь.

Маргарита Алексеевна Петрова живет в Андреаполе, её хорошо знают в городе и области. Она участница и победитель многих поэтических конкурсов. Неоднократный дипло-

мант литературных встреч «Каблуковская радуга», лауреат нескольких всероссийских и международных фестивалей.

Автор четырех поэтических сборников: «Попутчица» Москва – Торопец, 2012; «Жду ветров» Тверь, 2014; «Придумай мне имя» Ржев, 2018; «Присев на лодочку луны» Ржев, 2021.

Окончила филологический факультет Тверского Государственного университета. Работала литсотрудником в Андреапольской районной газете, учителем русского языка и литературы в Белоруссии и Андреапольском районе. Член Союза журналистов России. Ответственная за выпуск газеты «Двинский бережок»: областного культурно-просветительского вестника, выходя-

щего в Андреаполе более пяти лет.

Александр Сергеевич Старков-Борковский живет в Твери. Под псевдонимом Борковский он много лет был известен как автор рецензий на театральные постановки. Одним из его первых литературных опытов стала книга «Покатуха», написанная в соавторстве с писателем Владимиром Львовым. Некоторые сатирические зарисовки из нее были исполнены в телепрограмме «Аншлаг». Он автор сборника стихотворений «Молчание водопада» и романа «В плену вчерашнего солнца», над которым работал семь лет. Судьбы героев представлены на фоне истории огромной страны – от Урала до Твери. Книга не только для любителей художественной литературы, но и краеведов, историков, этнографов.

Владимир Андреев

Поэт, музыкант, а еще он – алтарник. Есть такая должность в православных храмах. Очень непростым жизненным путем пришел к этому. Родился в 1956 году на хуторе Хорькино. Потом учеба в техникуме, курсы шоферов от военкомата в Лихославле, служба в армии. Отслужив, устроился на работу в Кувшиновский леспромхоз. После женитьбы переехали в Кириши. Родился сын. Передовик производства, чей портрет не сходил с Доски почета, примерный семьянин, любящий муж в 90-е оказался на дороге, которая повернула совсем не туда.

В Кувшиново Владимир вернулся в 2002 году после смерти матери, чтобы быть рядом с пожилым отцом. Здесь познакомился с отцом Анатолием, стал приходить в моельный дом (храма тогда в Кувшинове еще не было). Отец умер у него на руках. Последним его напутствием было: «Помни, сын, ты встал на правильный путь и никогда с него не сходи».

УХОДЯЩЕЕ ЛЕТО

Листает календарь свои страницы,
Как листья улетают день за днём.
И криком возвещают осень птицы,
Кружась над незапаханным
жнивьем.

Ещё листва не тронута багрянцем,
А только заблистала желтизной.
Притухли языки протуберанцев,
И отступил палящий летний зной.

Грядёт прохладный дождь, а злые
ветры
Помчатся по некошеным полям.
И засчитают тучи километры,
Летя по небу к бархатным морям.

«ОПАЛИЛА СЕРДЦЕ МОЁ БЛАГОСТЬ...»

Хотя ещё и август на дворе,
Ещё медведь не мыслит о берлоге,
И пёс ещё не мчит к конуре,
Но, слава Богу, осень на пороге.

И очень скоро брызнет ярким
светом,

Поделится своим теплом с лихвой
Пора, что называют бабьим летом,
И всем подарит благодатный покой.

ОТ ПЕЧАЛИ ДО РАДОСТИ

Кириши – семьи моей начало.
Боже! Как же годики быстры.
Здесь на свадьбе «горько» мне
звучало,
Но горчит внутри до сей поры.

Нынче постарели новостройки,
Где мне потрудиться довелось.
Помню, как в период перестройки
То ли выживалось, то ль жилось.

То ли в дом несло, то ль
выносилось –
Кто на это может дать ответ?
Нет полей, что раньше колосились,
И лесов уже почти что нет.

Кириши – и скорбь моя, и радость.
Хоть по жизни шествую вдовцом,
Опалила сердце моё благодать
От общенья с Господом Творцом.

Сколько мне ещё бродить по свету,
То не важно – сколько хватит сил.
Важно то, что в городе вот этом
Двери в Небо Бог мне отворил.

О, ДРУГ МОЙ...

О, друг мой верный – серый кот!
Сомнений в этом нет:
Ты точно знаешь наперёд,
Что в два часа обед.

Видать, на кончиках усов
Есть датчики у киски,
Всегда в четырнадцать часов
Они приводят к миске.

И коль пришёл обеду срок,
Ты не скулишь, не хнычешь,

А только трёшься о сапог
И ласково мурлычешь.

И мир в тебе, и доброта,
Хоть хитро шуришь глазки...
Мне б научиться у кота
И доброте, и ласке.

О ПОЭТЕ И ОТВЕТЕ

Не заградит уста поэт,
А возмутится всей натурой,
Когда классический сонет
Объявят местною культурой.

Поэт нигде не промолчит –
В фаворе он или в опале,
Когда культурный фон звучит
Монеткой звонкою в кармане.

Поэт приемлет Божий Свет,
Не внемлет он чужим указам.
И потому, лишь, тот поэт,
Кто совесть взяткой не измазал.

РОССИИ НЕПОБЕДИМОЙ

Терзали тебя скифы, печенег,
Ногайский хан, хазарский каганат,
Ордынцев беспрерывные набеги,
Завистливый турецкий султанат.

А с запада и викинги, и галлы,
Литовцы и псы-рыцари с крестом.
А ты, как остров, в море зла стояла,
И крест несла совместно со
Христом.

Татары и монголы-басурмане,
Поляки, шведы – всех не перечесть,
Японцы – с моря, с юга – агаряне
Пытали твое мужество и честь.

А ты от славы в славу восходила,
Твердела, крепла, доблести полна,
Ты до сих пор, страна, непобедима,
Любвеобильна, верою сильна.

Пусть и чисты, уютны и красивы
И юг, и запад, север и восток...
А я люблю тебя, Россия,
Храни тебя Всемиловитый Бог!

• Литературное краеведение

Владимир СТЕПАНОВ

Родился 5 июня 1951 года в деревне Спирово. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза писателей России. Автор пятнадцати книг прозы, поэзии и публицистики. Победитель 5-го московского международного конкурса «Золотое перо-2008». За серию поэтических книг, в Некрасовской традиции раскрывающих образ современной России, удостоен Диплома лауреата Всероссийской премии имени Н. А. Некрасова в области литературы и искусства с вручением медали.

Последние годы работал и жил в Москве, но связи с малой родиной не порывал. Пешком, на велосипеде, на лодке, на мотоцикле он изъездил многие родные места. Впечатления от этих поездок легли в основу его книг. Умер в апреле 2018 года.

ДУХОВНЫЕ СКРИЖАЛИ

Увези меня скорее в Русь
Из Москвы к Тверце, в её
просторы,
Где ручьи с Тигомой в разговорах
Утолят мою печаль и грусть.

Как же бесприютно жить в
Москве,
Хоть меня здесь сильно не
прижали.

Я свои духовные скрижали
Разбросал по Тигме и Тверце.

Но признаюсь, что ещё люблю

« МОЯ ПЕЧАЛЬ –

Я Москву, её мороз и холод:
Снег скребут киргизы поутру,
От Европы очищают город.

Мы вернёмся в Азию свою,
На Тверцу, Тигому, в русский
холод.

МОИ ПЕЧАЛИ

Я думаю: меня зачали
В полях, а, может быть, в лесу
Под русским небом. И печали
Я в сердце до сих пор несу.

Не снятся города и страны.
Моя печаль – моя судьба.
На сердце прожитого раны
Ни бунт не лечит, ни борьба.

И никуда я не уеду,
Быть может, убегу в леса.
Тропой, проложенною дедом,
Свой путь пройду я до конца.

РОДИНА МОЛЧИТ

Иду по родине, и слёзы на глазах:
Лесов не стало, отчина в кустах.
Кустами заросли твои поля.
Восстань, Тверщина, родина моя!

Я словно пасынок в любимой
стороне.
Здесь холодно и бесприютно мне.
Кто боль мою, как жажду, утолит?
Кричи хоть криком – родина
молчит.

ПОКЛОН С
ЗАХВОРОЩЁННЫХ МЕСТ

Владимиру Фомичеву

Привет тебе, мой
Север-Северище! *
Как у тебя, могучего, дела?
А на Смоленщине сейчас метели
свищут,
Да и в Твери настали холода.

Романы пишешь иль ушёл в
поэмы,

МОЯ СУДЬБА ... »

Где «враг Руси по-русски
говорит)?
Всё так же не простил ему
измены?
Всё так же сердце по Руси болит?

Привет, мой друг! Тебя я обнимаю
И шлю поклон с захворощённых
мест.
Куда страна катится – я не знаю,
Но вот в моей душе Сварог
воскрес.
*«Север-Северище» - роман
В. Фомичёва

БЛАГОДАТЬ

Места здесь глухие, грибные.
Но как ты пробьёшься сюда?
То кочки – колдобины злые,
То ямы, то грязь, то вода.

Здесь тропы натоптаны лесом.
Вдруг заяц стрелой пролетит.
Тетёрка в песке у откоса
В порхалище вольно шумит.
Здесь ночью, наверное, бродят
Кикиморы и лешаки.
Меня то и дело заводят
То в чашу, то в топь у реки.

Здесь глушь, тишина и приволье.
Людского следа не видать.
Отходят и беды, и боли.
Вот это и есть благодать!

* * *

Когда умрёт полночная звезда,
А солнечное утро не воскреснет,
Грядущий день арбузом спелым
треснет –
Не встретимся мы больше никогда.

Я образ твой в душе не сохраняю,
Как с плёнки, лик сотру, забуду
имя.
Несостоявшееся меж двоими,
Я счастье, как собаку, утоплю.
(окончание на стр. 9).

(начало на стр. 8).

[illegible]

* * *

На родине моей опять весна
И день длиннющий, словно ожерелье
На женщине любимой. Не до сна
Сегодня мне. Я вновь во что-то
верю.

И воздухом любимой стороны
Не надышусь. Доверчив, как
котёнок.
Воспоминания нахлынули, как
сны,
И будоражит сердце смех
девчонок.

Я пьян весною, буйству трав я рад
И зрелых лет своих не замечаю.
Семнадцать лет мне или
 пятьдесят?
Я их транжирю, как цветы срываю.

* * *

Опять струится над бульварами
Весны шальная благодать.
Поэты не бывают старыми:
Весной семнадцать им опять.

Поэты умирают юными,
И в пятьдесят, и в шестьдесят.
Не суждено им быть угрюмыми
И вечность дряблостью встречать.

Поэты гибнут, как комарики,
Влетевшие в огонь костра.
Им просто жить на этом шарике
Уже нельзя. Им в путь пора.

* * *

Мне жить осталось очень мало.
Я потому порой грущу,
Что, не дойдя до перевала,
Всё дорогое в миг спущу.

Все прежние мои удачи –
Они, как замок из песка.
Я по себе уже не плачу.
Иначе жизнь – одна тоска.

Сижу и греюсь у лежанки.
Дрова стреляют. Жар палит.
А под столом ещё полбанки
И шука на столе лежит.

Я на Тверце её защучил.
Пожарил. Грудюю куски.
Сижу один – себе друг лучший –
И никакой тебе тоски.

Никто меня не беспокоит,
Никто в окно не постучит.
Мне хорошо. Душа не ноет
И сердце, наконец, молчит.

ЗАВЕЩАНИЕ

В зените жизнь. Последний
 пройден круг
Борьбы за жалкое существованье.
Поставлены на карту все желанья,
Лишь бы перо не выпало из рук.

Пора итоги жизни подводить.
Как много за бортом её осталось!
В полвека – жесточайшая
усталость
И на глазах тончает жизни нить.

[illegible]

Я знаю, что стихи мои прочтут
Не те, кто нынче бредит
за границей,
А те, которым вечно будет сниться
И русский лес, и русский Бежин
луг.

Для них пишу и верю, что во мгле
Они моё простое имя вспомнят.
И вновь я, словно крест на
 колокольне,
Взметнусь. И дождь проплачет обо
 мне.

* * *

Даруй, Свароже, мне чарующий
конец —
Ведь грешен я, но не грешнее
многих —
Останови мой бег на полдороге,
Сними с души смятения свинец!
Плесни мне в чарку водки под
конец!

МАРГАРИТЕ ПЕТРОВОЙ,
ПОЭТЕССЕ ИЗ АНДРЕАПОЛЯ

Мимо ваших томных спален
Я летаю на метле.
Разгоняюсь, кувыркаюсь,
В чьи-то окна загляну.
Прячет ночка колдовская
В тучи пьяную луну.

М. Петрова

Как поэт завершаю я смену:
В деревнях сих поэзия тленна.
Но прочел не без интереса
Особливо одну поэтессу,
Маргаритой летит на метле,
Паровоз догоняя во тьме.
В Каблуковщине здесь причина,
И посмеивается Тверщина.

ТВЕРЩИНА

Тверщина – родина моя,
Я так люблю твои просторы,
Ручьев лесных переговоры,
И сенокосы, и поля,

Тверщина, родина моя
Тверщина, родина моя,
К тебе спешу уже в апреле,
Как только зазвелят капли,
С тобой живу до декабря,

Тверщина, родина моя.
Тверщина, родина моя,
Не все в твоих просторах ладно
И твой народ живет нескладно,
Как сам я и мои друзья,

Тверщина, родина моя.
Тверщина, родина моя,
Так много ли нам в жизни надо?
Лишь только ты – любовь-отрада!
Да что я значу без тебя,
Тверщина, родина моя?

«Крылатой быть – немыслимое счастье!..»

Рецензия на книгу Веры Грибниковой

«Когда она читала свои стихи, то пожилые люди слушали её с упоением. Лица у них разгладились, многое звучало как родное...»

«Я не однажды был свидетелем того, как на литературных встречах слушатели называли Веру поэтом от Бога, интересовались, где можно купить её книгу, просили дать стихи, чтобы переписать их, как женщины с улыбкой утирали слёзы, благодарили её, просили почитать ещё...»

Оба отзыва, помещённые в разное время на страницах местных газет, относятся к Вере Грибниковой, талантливому русскому поэту Твери. И нет сомнений в том, что стихотворения её любят, помнят, перечитывают... Разве не в этом счастье творящего словом?

Теперь же к читателям пришла её проникновенная, глубокая и художественно обаятельная книга, раскрывающая всю тематическую и жанровую многогранность её лирики, итог двух десятилетий. «Отважная пичуга»...

Выросшая на раздольно-живописном Селигерье, Вера с детства до самозабвения любила лошадей. После окончания с отличием Ржевского совхоза-техникума она приехала в Тверь (тогда Калинин) с сильным желанием работать на ипподроме. Но судьба распорядилась иначе: пришлось освоить искусство «объезжать» иного – железного коня.

Вехи её пути – многолетняя хлопотная и несахарная работа водителем трамвая (в книге помещён не имеющий аналогов цикл стихов «Ода трамваю»), семья (Вера с мужем вырастили двоих сыновей) и

поэтическое творчество, мыслимое сначала как некая отдушина в сплошной череде монотонных будничных забот, а затем ставшее и страстным делом жизни, и судьбой, и маяком, и болью, и отрадой. Вынесенные из народных глубин, из нравственных традиций и бытового уклада русской деревни, где *«домоткано-кружесной уют, // С тёплой печкой, духом каравая...»*, открытость, отзывчивость, несуетность – черты, безвозвратно утраченные или заглушенные во многих из нас бешеной скоростью всеохватывающей урбанистической сумятицы, органичны как для внутреннего мира Веры Грибниковой, так и для её стихотворений. Трогательной любовью пропитаны стихи-воспоминания о малой родине, где *...летух крылами машет,*

Старый дом, духмяный сеновал.

Не реки исток, а жизни нашей.

Кланяюсь началу всех начал.

В 2004 году в жизни и поэта, и тверской литературной среды случилось беспрецедентное событие. На Всемирный литературно-поэтический конкурс «Надежды лира золотая» она отправила стихотворение «Встреча». И... получила премию американского Первого Литературного Музея А.С. Пушкина за лучшее стихотворение о любви. А участниками этого конкурса – подумать только! – были 41157 русскоязычных авторов, которые представляли почти всю планету. Из далёкого Нью-Йорка победительнице прислали именной кубок, почётный диплом и денежную премию.

«Встреча» – это переливы любовных грёз и иронически

улыбающейся реальности, переплетение персонифицирующих панэротических метафор. Этим стихотворением нужно просто наслаждаться, блаженно вкушая его по катренам, как летние ягоды клубники – сладкие и пропитанные жаркой солнечной спелостью.

Женское начало, женский взгляд явлены в лирике Веры Грибниковой сильно и зримо. Сильно не деланной чувственной экзальтацией, а особой материальной и эмоциональной атмосферой – искренней и проникновенно убедительной в своей естественности и ненавязчивости: *Дождик, дождик, глупый дождик, Моросит и моросит, Будто кто-то небо доит И подойником звенит.*

Думается, мужчина-поэт не способен сотворить подобный образ, незатейливый и одновременно удивительный. Женственность мировосприятия заключена в её стихах, прежде всего, в стремлении очеловечить, оживить, оживотворить какой-либо объект, явление, процесс, понятие в максимально возможных нюансах, с максимально возможных сторон. В одушевленном воображении поэта пространстве спящей ночной гавани,

(продолжение на стр. 11).

(начало на стр. 10).

где «нянюшка-волна песню колыбельную выводит» и «крепко спит измученный буксир»; где причмокивает во сне шустрый катерок, а две баржи «дрыхнут, как сурки, без задних ног», женский взгляд виден сразу.

В притчевом стихотворении «Берегиня» выведен образ Женщины, хранительницы домашнего очага; разлад в семейных отношениях претворён в аллегорию ежовых варежек и бархатных перчаток. Кстати, именно аллегория стала своеобразной приметой поэтического стиля Веры Грибниковой. В аллегорическую форму облечены сострадание («Прохожий»), торжество жизни («Весна»), гибель русских деревень («Чужак»), где традиционные образы обогащаются индивидуально-авторскими ассоциациями.

Мелодия женской души, звучащая в её стихах, отзывается и одухотворением быта, и волнующим воплощением дум и надежд многих и многих женщин, похожих на лирическую героиню, и утверждением спасительной силы любви ко всему живому... И, конечно, утверждение фундаментальной основы бытия человека, связанной с мотивами рождения и продолжения рода: «Бедный, бледный коротышка день // смотрит, как заплаканный малыш», «Весна, совсем ещё ребёнок, // Спешит в апрель переползти // Из мокрых мартовских пелёнок».

Образность и экспрессия словесного письма привлекательны индивидуальным преображением повторяющихся картин всего, что встречается вокруг, и отсутствием излишней вычурности. Метафоры, олицетворения, сравнения, эпитеты, перифразы – красочные и неожиданные: «луна гнездится в тополях», «С ветки наливного крепыша // Отпускает яблоня в полёт», «листьев золотые мотыльки», «кинжальная ревность», «бескрылый ангел... – медсестра», «Сердце, оборвавшейся звездой, // На ладошку просится к тебе...», «Рас-

светает... засыпают фонари...», «Гостят на клумбах небеса – // Льют незабудок свет». А увиденный холодной осенью (явно не в сезон) куст ромашки трижды назван по-разному – «осколок лета», «октябрьское чудо», «лучистый факел солнечных полей». Образность здесь передаёт тонкие психологические, я бы даже сказал – мироотношенческие – переживания. Даже текущая с небес вода обыкновенная олицетворяет единство человеческого и природного круговорота: на смену июльскому «дождю-зорнику», резвому игровому мальчишке «уныло, словно старики, // бредут осенние дожди». Событийная многосторонность сущего придаёт поэзии Веры Грибниковой заметную синтетичность. Так, красота зимнего пейзажа (символика белого цвета не случайна) превращается в красоту спасительного духовного преображения человека, ибо поэт страстно желает: *Чтоб под окна намело сугробы; Снег летел, как стая лебедей, Чтоб мороз кусался. Чтобы... Чтобы...*

Отбелило души у людей.

В торжестве лета любовь переходит в возвышенную страсть, ибо сама Природа живёт по её законам: *Проскакал с утра незрелый дождь, ликуя,*

Но жарою был пленён, не сладил с ней.

Так влюблённые, срывая поцелуй, Жажду страсти распалют всё сильнее.

Ливня ждёт земля, лишь он, животворящий, Вожделенную дарует благодать. ...Ты целуй меня покрепче и почаше, Этой ночью нам грозы не миновать!

Бывает и так, что сначала всё идёт обычно-приземленно, но затем следует неожиданный взлёт в космос, и любовь расширяется до вселенской бескрайности: *Мы с тобой потерялись давно, не в толпе, не в пустыне,*

Не в дремучем лесу, где с трудом, но отыщется след – Во Вселенной. Вершитель судеб разлучил нас, и ныне Окликаем с тобою друг друга мы с разных планет.

Традиция создания «пейзажей души» в книге успешно развивается.

Жизнь и любовь, свет и чистота, сострадание и добро – не только образные доминанты лирики Веры Грибниковой, но и суть её мироощущения, основанного на соучастии, сопереживании, сотворчестве, в единении со Вселенной; оно заключено и в умении находить радость в повседневности, удивляться, открывать неизведанное и верить в чудо, которое может поджидать и на пороге дома. Оттенков любви у неё много, ибо высшее из чувств неисчерпаемо, когда оно истинно. Среди них есть и грустные откровения о несбывшейся или не сбережённой любви, драматизм расставаний, боль душевных ран, трудно и медленно заживающих. Высшее из чувств достигает вершин психологизма, пронзительно-го, который словно материализует расставание навсегда.

Увядшая трава, да колкая молва. Прощаемся. В том некого винить. А листья всё летят... как мёртвые слова, Бессильные что-либо объяснить.

Вера Грибникова нередко сталкивается блаженство любви и угрюмый быт. Отсюда особый эмоциональный настрой её любовных стихов, сочетающих мажорный задор молодости и минорную умдрённость зрелости. В сплаве личной искренности и поэтического дара таится их притягательность и мужественная, спокойная нежность.

И больше не пригубить мне Тот мёд, что был безмерно сладок. Как жаль, что прятался на дне Полынной горечи осадок...

(продолжение на стр. 12).

(начало на стр. 10-11).

*В предзимних серых небесах
Не сыщешь бликов летней сини,
Но привкус мёда на губах
Всё спорит с горечью полыни...*

Окружающий мир соткан из острейших контрастов: «Добро и зло – извечная вражда. // Добро и зло – цветущий сад и выюга...». Как легко, прикасаясь к таким философско-этическим полюсам, соскользнуть в лукавое мудрствование или оказаться в плену банального пережевывания прописных истин. Вера счастливо избегает и того, и другого. Без тени эгоцентризма она осознаёт себя крохотной частичкой в цепи поколений, идущих «тропочкой добра», проложенной среди «широких дорог зла»: *Её торили много сотен лет. И вслед за мною кто-нибудь*

шагает.

*Я неприметный оставляю след,
Но главное – тропа не зарастает.*

Только человек, сам многое испытавший и переживший личное горе, способен к подлинному сопереживанию, к сочувствию бедам другого: «Чьи-то горести льются на чистый листок // Торопливой строкою, моею рукою...». Чужую боль она принимает как свою, пережитую с кем-то в одинаковой мере: «Даже память притихла... Но кто-то кричит // И взывает, и молит моими устами». Эти качества с ещё большей силой высветились в произведениях на остросоциальную тематику. Так, поэт не просто обнажает отвратительную суть пьянства, распространённого (увы!) порока, а обличает его как мать:

*О, женщина, держащая стакан,
Поставь его, он пахнет
преисподней.*

*Смотри, как трёт глазёнки
мальчуган,
Сынишка твой, чумазый и
голодный.*

Пьянство матери лишает ребёнка всего – безоблачного детства, ласки и домашнего уюта. А ещё страшнее – «Нелюди» и «Мытарство»... И «Братья старшие» – о городских деревьях, которые после варварской, садистской обрубки, превращающей их в уродливые кривые столбы, далеко не все выживают.

Зададимся вопросом: может ли поэт, знающий о Великой Отечественной только по книгам, фильмам и воспоминаниям тех, чьи судьбы она исковеркала утратами и лишениями, написать о ней так же правдиво, как очевидец, видевший её ужасы собственными глазами? Все стихи, собранные в разделе «Память болит. И болит нестерпимо», хором говорят «да». В изображении эпизодов войны автор эмоционально и духовно переживает, почти физически переносится в те грозные дни, а поэтическое и человеческое переживание, перечувствование войны как величайшей трагедии неотделимы в страстных строках друг от друга, будь то письмо с фронта, рассказ бабушки об оккупации, от которого кровь стынет в жилах, или щемящее описание прощания инструктора с собакой, готовой через минуту броситься под фашистский танк с взрывчаткой на спине.

Однако позже грянули другие войны, пусть ограниченные, но сущность свою не меняющие. Афганистан, Чечня, теперь Донбасс... И родилось выстраданное сердцем «Материнское»: как уберечь сыновей, «как примириться матери с войной?» А в военном госпитале мучается жгучим вопросом умирающий молодой солдат, не успевший по-настоящему пожить: «Лишила рук меня война, отгрызла ноги, // Но для чего-то же оставила глаза?!»

Конечно, можно вспомнить Фемистокла: «Мы погибли бы, если бы не погибли». Но беспощаднее, тяжелее, безнадежнее горя

бедных матерей, которым «...не забыть своих детей, // Погибших на кровавой ниве...» (Н. Некрасов), на этом свете ничего быть не может. Пафос стихотворения «Памяти «Курска» сродни резкой тягучей боли от прикосновения к оголённому и воспалённому нерву. Гибель подлодки уже стала историей, но: *Лишь матери и в яви, и во сне
Всё так же слышат стоны в*

глубине,

*И голоса внучаток им слышны,
Тех, что уже не будут рождены.*

Во все века все матери вправе спросить: во имя чего погибли их сыновья?.. Ответы будут противоречивые и противоположные, и несть им конца.

Создавая медитации, основанные на конкретной жизненной ситуации, коих ежедневно встречается тысячи и тысячи, стихи с элементами обобщения, в чём-то даже тяготеющие к притче, поэт вырабатывает собственную этику, убедительную простотой и понятностью: «Ни плюнуть в душу, ни ударить в спину // Я не умею. И не научусь». Благодарность судьбе за горькие уроки неотделима от мотивов преодоления и упорства. И если попадаетесь этакая эмоциональная лихость, то и она – следствие накопленной душевной стойкости, а не натянутый оптимизм. Рассуждения о вере и Боге постепенно приводят к бесконечной евангельской мудрости, преломляющейся в отголосках подзабытой сегодня «теории малых дел»:

Сквозь столетья и года

*Расцвела в ночи, как прежде,
Вифлеемская звезда –
Знак немеркнувшей надежды –
В путь-дорогу позвала,
Чтобы нам с тобою снова
Делать добрые дела,
Крохотные, но Христовы.*

А философско-романтическое кредо поэта выражено в замечательном стихотворении «Я повторюсь»:

(окончание на стр. 13).

(начало на стр. 10-12).

Я повторюсь, сомненья в этом

нет.

Пока, любимый, помнишь ты меня,
Я буду эхом отзвеневших лет
И ясным светом завтрашнего дня.

Вера Грибникова не боится вступать в творческий диалог с классиками – Сергеем Клычковым, Анной Ахматовой, Сергеем Есениным, Николаем Рубцовым, Владимиром Соколовым... Есть у неё и «свой Пушкин». Прелестный «Августовский романс» уводит интонацией и возвышенной интимностью в XIX век; остроумная стилизация под Н. Некрасова в виде разговора бомжей о том, «кому на Руси жить хорошо» впечатляет крайне неожиданным парадоксальным финалом. Реминисценции из русской классики и народных песен, игра слов и авторские неологизмы вносят дополнительные яркие краски в её литературный портрет.

И напоследок попытаемся, всё-таки, разгадать загадку столь необычного названия книги... Пичуга, даже не птица. Любой толковый словарь скажет: пичуга – маленькая птичка. Символичностью этого образа поэт подчёркивает скромность своего таланта без нарочитого прибеднения. Однако уместно вспомнить и пословицу: у каждой пичужки свой голосок. И ещё дар полёта, привычный и естественный для птицы, бесценный и упоительный для поэта. «Вновь будет петь отважная пичуга // О том, что мир прекрасен, добр и вечен!» – ещё одна аллегория творчества и его главный принцип. Остаётся лишь пожелать Вере Грибниковой не прерывать этот высокий и благодатный полёт, помогающий людям справиться с тяготами жизни, помочь осознать радость существования, вселить в их души самые светлые чувства и подарить надежду на лучшее.

Александр Бойников

СКОРБИМ И ПОМНИМ

В Твери в возрасте 72 лет скончался заслуженный артист России и солист филармонии Виктор Николаевич Сухов. Больше 40 лет жизни он посвятил Тверской филармонии. Коллеги вспоминают его, как настоящего мастера своего дела. Артист покорила не только российскую, но и зарубежную публику. Виктор Николаевич имеет множество почетных государственных наград. Среди них медаль ордена «За заслуги перед отечеством II степени», знак «За заслуги в развитии Тверской области» и другие. Кроме того, артист не единожды становился лауреатом Премии губернатора Тверской области и Премии имени С.Я. Лемешева. Об артисте писала не только тверская пресса – и московская критика не оставалась в стороне. После выступления певца на юбилейном вечере народного артиста России В. Зельдина о нем было сказано как «о превосходном исполнителе русского романса, о вокалисте, приведшем столичную публику в восторг».

Его голос не раз звучал со сцены Каблуковских литературных встреч,

много лет он возглавлял здесь жюри авторской песни. Участники фестиваля вспоминают его как светлого и искреннего человека. «Двинский бережок» приносит соболезнования родным и близким Виктора Николаевича и скорбит вместе с ними.

Встреча памяти земляка

В Торопецкой библиотеке состоялась встреча, посвященная Борису Лапченко, приуроченная к его 90-летию. Собрались те, кто знал и любил Бориса Степановича, кому довелось с ним работать и дружить. Галина Павловна Церникель, долгое время работавшая в редакции местной газеты, вспоминала его как наставника, за которым «в буквальном смысле тянулись молодые кадры». Невестка писателя Ольга Николаевна Лапченко рассказала присутствующим, каким целеустремленным, с нескрываемой любовью к жизни был Борис Степанович. Олег Васильевич Овсянников прочел стихотворение собственного сочинения. Прозвучали воспоминания бывшего сотрудника районной газеты Евгения Федоровича Иванова, работавшего вместе с

Борисом Степановичем, а также отрывки из писем Лапченко к другу, писателю Валерию Кириллову. Все присутствующие на мероприятии сошлись во мнении, что Борис Степанович Лапченко на собственном примере ежедневно доказывал, что никакими сокровищами мира невозможно купить любовь, привязанность, дружбу и истинное уважение людей.

• Новые книги

Весенний сюрприз

В библиотеке имени Дрожжина в Твери состоялась презентация очередного выпуска «Тверских перекрёстков». Шестой выпуск альманаха, наверное, удивит читателя, уже привыкшего видеть на его страницах стихотворные столбики. А под этой обложкой приютилась проза. Автор предисловия к сборнику, известная тверская поэтесса Вера Грибникова, так напишет о нем: «Команда, надо сказать, подобралась интересная – от зрелых мастеров до дебютантов. Их имена уже звучали в предыдущих альманахах, представляя поэтические строки. Уверена, что пронзительные рассказы о войне Натальи Смехачёвой, дачные зарисовки Любови Николаевой, мистика Алексея Алейникова, детские проделки Динки и Тимки Владимира Юринова, удивительные моно-диалоги Сергея Абакумова, философская ироничность Маргариты Петровой и другие произведения авторов данного альманаха оставят след в памяти читателей.

Есть в альманахе и новое имя – Ольга Яворская. Ольга стихов не пишет. А с прозой она работает давно, о чём свидетельствует её книга и многочисленные публикации в периодике. В нашем альманахе публикуются несколько рассказов, основанных на реальных событиях из практики врача-кардиолога Ольги Яворской». Кстати, в сборнике сразу пять авторов из города Нелидово: С. Виноградова, И. Кирпичев, С. Кетлеров, В. Павлов, И. Столяров.

«Взгляды и нити»

Так назвала Наталья Иванова из поселка Пено свой первый поэтический сборник. Творчество её известно в Тверской области. Печаталась в местной и областной периодике. Много лет участвовала в поэтическом фестивале «Каблуковская радуга», её стихи регулярно печатались в Каблуковских альманахах и сборниках. Публиковал поэтическую подборку Натальи и «Двинский бережок». По профессии она финансовый работник, но поэзию любит, хорошо знает и пишет стихи с детских лет. Еще школьницей её стихи звучали по центральному радио. Они разнообразны по жанру, тематике, форме. Но будь это глубокий философский текст, любовная лирика, лимерики, юмористическое стихотворение – везде автор несет в мир позитив, пытается отдать частичку тепла своей души.

«Взгляды и нити» – книга о поиске смысла жизни и верного пути: //Сколько сделать шагов от рожденья до края –// От рассветной зари до густеющей мглы//? Важно, что принесут эти шаги в конечном итоге.

*И бесполезны с совестью торги.
И нет вины, а за вину –
отмщенья,
Как нет цены, что можно,
заплатив,
Сто раз просить и получать
прощенье,
Саму себя ни разу не простив.*

Всё, что представлено на страницах сборника, по-своему интересно. Но есть особенные удаchi автора. Например, стихотворение «Не кипятись, душа!». Когда окружающая действительность доводит героиню «до мучительной икоты», «любовь оставила горькую обиду», а на сердце «цветет полынь», когда «хочется поколотить кого-то», она спрашивает: «Не кипятись, душа моя, постой». И только когда «стучится в двери враг и хочет заставить жить собакой на цепи», она разрешает себе: «Борьбы не прекращай ни днём, ни ночью. Кипи, моя душа, теперь кипи!».

Иллюстратором сборника (обложка, заставки к главам) стала дочь Натальи Полина. Она профессиональный художник, окончила тверское Венециановское художественное училище, работает бутафором в тверском драмтеатре.

Под открытым небом

В архитектурно-этнографическом музее под открытым небом «Василёво» Торжокского района прошёл XXVIII Межрегиональный фольклорный праздник «Троицкие гуляния». Специальным гостем фестиваля в этом году стал Государственный вокально-хореографический ансамбль «Русь» им. М. Фирсова Владимирской областной филармонии. В концертную программу вошли песни и танцы разных областей России. На разнообразных жанровых площадках свое искусство представили более 120 коллективов самодеятельного народного творчества: фольклорные, народно-певческие, танцевальные ансамбли, солисты-частушечники и исполнители на народных инструментах, цирковые и спортивные

студии, военно-патриотические клубы, историко-этнографические общественные организации.

Участниками праздника стали творческие коллективы и солисты из Тверской, Московской, Воронежской, Саратовской, Псковской областей, Республики Коми, Москвы, Владимира и других регионов страны. Ключевым мероприятием в Верхневолжье стал Межрегиональный конкурс русской культуры «Троицкие обереги». В очном этапе приняли участие профессиональные и любительские творческие коллективы и отдельные исполнители из Республики Коми, Тверской, Ярославской, Саратовской, Ростовской, Липецкой, Воронежской, Московской областей.

С. Иванова

Кто укротит вандалов?

Вопиющий акт вандализма случился в Нелидове. Здесь совершено надругательство над бюстом Сталина, установленным на аллее народного мемориала «Красный дом». Бюст Сталина, человека, с которым неразрывно связан разгром фашизма, был расстрелян из пневматического пистолета и обезображен. Остались следы пребывания вандалов – мусор и пустые бутылки.

Этот мемориал, строительством и развитием которого занимаются нелидовские энтузиасты, возводится и содержится исключительно на добровольные пожертвования.

Одной из его достопримечательностей является аллея маршалов Победы, на которой установлены пока только бюсты Сталина и Жукова, но подготовлены места для установки памятников другим военачальникам. Здесь проводятся теперь патриотические мероприятия.

Расстреливать, поливать краской и сносить памятники стало омерзительным явлением для Европы. Не этим ли занимаются сейчас наши недруги в странах, спасенных советскими солдатами от засилья коричневой чумы? Произошедшее, по своей сути, это акт полнейшего морального обнищания.

Бюст Сталина покрасили заново, будет проведена его полная реконструкция. Но кто укротит ночных вандалов?

Золотой запас

Анатолий Передреев

(1934–1987)

* * *

И вот стою
И погибаю
Среди райцентровской грязи...
Вот снова руку поднимаю,
Вот подбегаю:
– Подвези! –
Шофер берет меня,
Сажает,
А я ему ни сват, ни зять,
Шофер глаза свои сужает,
Соображает – сколько взять.
А я закуриваю веско.
Я – будь спокоен – заплачу!
А он дает на всю железку,
А я, откинувшись, молчу.
А он поглядывает косо,
А я поглядываю вдаль,
А я кусаю папиросу,
Соображая – что же дать.
Ведь ни аванса, ни получки, –
В кармане нет ни пятака.
Вот разве только авторучка
Одна торчит из пиджака.
А если скажет – зря возился?
А если ручку не возьмет?..
А он один остановился,
А он один меня везет..
А на щеке его морщина,
А он задумчиво глядит
И, тормозя свою машину,
Мне так,
Не глядя,
Говорит:
– Вылазь, вылазь, не суетись,
Иди, иди, студент, учись!

Лев Котюков

(1947–2022)

ЗАЛОГ

Рукописи не горят?!
Прекрасно горят!
И сгорают, и, слава Богу,
Что иные сгорают!!!
Пусть себе горят,
ибо истинным Словам
огонь не страшен.

Наши годы еще не прошли,
И порой на боли легко...
И стою я у края земли,
Но до неба ещё далеко.

Всё исчезнет в незримых мирах,
И в другом не воскреснет другой...
И за белою тьмой – только прах,
Да ревущий огонь неземной.

Но восходят слова из огня,
И душа не спасёт свою плоть...
Как же так – ни тебя, ни меня?!
Не допустит такого Господь!

Сам Господь сокрушит пустоту!
Сам Господь наши души простит!
И земную твою красоту –
В неземную навек обратит.

Я стою у земли на краю,
Но душа, словно небо, со мной,
И в душе – твою душу храню,
Как залог красоты неземной...

Алексей Решетов

(1937–2002)

ЗЕНИЦА ОКА

Зеница ока, Родина моя,
Что без тебя на белом свете я?
Без белых рощ, без пушкинской
строки;
Я не жилец, я сгину от тоски.

Аркадий Кутилов

(1940–1985)

ПАСТУХ

Чего же больше надо?
Избушка и ограда,
и баня, и колодец,
амбар и сеновал...
Чего же больше надо?
На зорьке выгнал стадо,
пропас до солносяда,
потом домой пригнал.
Но человеку мало.
Приелись хлеб и сало.
Его коснулся отблеск
космических костров.
И, сидя у дороги,
он ждет в глухой тревоге,
когда его назначат
пасти морских коров.